

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И ТЕКСТОЛОГИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОГО
БЛИЖНЕГО
И СРЕДНЕГО ВОСТОКА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ТЕКСТОЛОГИЯ

средневекового
Ближнего
и Среднего Востока

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

¹⁵ Ц. А. Абуладзе. Два турецких фермана.— «Мравалтави». Тб., 1971, т. 1, с. 393—401.

¹⁶ Там же.

¹⁷ В. П. Мутафчиева. Аграрные отношения в Османской империи през XV—XVI вв. София, 1962.

¹⁸ H. Inalcik. Hicrî 835-tarihli Sûret-i Defter-i Sancak-i Arvanid. Ankara, 1954.

¹⁹ H. Hadzibegić, A. Handzić, E. Kovacević. Oblast Brankovića. Opširni kadastatski propis iz 1455 godine. Sarajevo, 1972.

²⁰ Судебник Бека и Агбуга. Пер. В. Д. Дондуа и И. С. Долидзе. Тб., 1960; М. Х. Сванидзе. Вопросы землевладения в Османской империи на примере Ахалцихского (Чилдырского) пашалыка. М., 1973.

²¹ A. Sućeska. Ajani. Sarajevo, 1965.

О. А. Сухарева

РИСАЛА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Известно, что в Средней Азии люди разных профессий и занятий, включая земледелие и скотоводство, имели письменные уставы, называемые «рисала» (араб. «записка», «трактат»). Это был особый жанр письменной литературы, созданный и бытовавший в народной среде. Рисала профессий представляют большой интерес для разных направлений исторических исследований, охватывая и сферу производства, и сферу идеологии. В отдельных рисала затрагиваются и вопросы социальных отношений. Рисала давно обратили на себя внимание востоковедов, и им посвящена некоторая литература¹, а в последнее время их стали привлекать для исторических исследований². Но до сих пор рисала не были предметом специального исследования: они не проанализированы ни текстологически, ни в отношении структуры и содержания, не раскрыты их природа и генезис. Не имея возможности в настоящее время в полной мере выполнить все или хотя бы некоторые из этих задач, хочу сообщить здесь результаты разработки рисала как источника дополнительных сведений о ремеслах. В ходе этой работы мной была собрана небольшая коллекция рисала: земледельцев, скотоводов³, плотников, мясников, брадобреев, сапожников, портных, ткачей. Последнему было уделено особое внимание в связи со специальным исследованием ткацких ремесел. Использованы следующие списки рисала ткачей: два — из моей коллекции (оба на тадж. яз.); две литографии (на узб. яз.); три списка, переписанных мной с рукописных оригиналов (один — с таджикского рисала, полученного для ознакомления от ткача из пригородного самаркандского селения Каучинон; второй, таджикский, — из книги, принадлежавшей бывшему Отделу восточных рукописей Государственной Публичной библиотеки Ташкента (теперь — Государственная библиотека им. Навои, шифр 3072); третий, узбекский, — из Фундаментальной библиотеки САГУ, шифр В 09/232). Перевод еще одного рисала ткачей сделан М. Ф. Гавриловым⁴ с узбекского рукописного списка, имевшего вид свитка. Кроме того, мной был записан (на рус. яз.) переданный устно миф о происхождении ткачества со слов самаркандского вязчика ремиз и берд и ткача Усто Мухаммади Акрамова (квартал Хаузи баланд), а также более краткие за-

писи рассказов других мастеров. Наличие в распоряжении исследователя нескольких текстов (списков) и устных вариантов рисала позволило сравнить их между собой и прийти к некоторым выводам.

Рисала имеют вид маленьких книжечек (примерно 10×12 см), рукописных и литографированных. Иногда они включены в книги смешанного содержания и большого формата, иногда встречаются в виде небольших свитков Литографированные издания появились в начале XX в.; их выпускали преимущественно в Ташкенте (на узб. яз.), в Самарканде и, вероятно, в Кагане (на тадж. яз.). Большая часть рукописных рисала — таджикские. С таджикского языка, несомненно, переведены и многие из известных рисала на узбекском языке (в том числе и литографии, изданные в Ташкенте), что явствует из употребления в них множества таджикских слов, оборотов и выражений (начиная с заглавия, нередко даваемого в таджикской форме, узбекское — только окончание; например: «рисалайи бофандалик»). По свидетельству М. С. Андреева, беседовавшего со старыми ремесленниками Ферганской долины в 20-х годах, замена рукописных рисала на таджикском языке узбекскими литографиями произошла на их глазах⁵.

В литографированных изданиях обычно объединены рисала нескольких ремесел, и книжечки имеют заглавие «Маджму'аи рисала» («Сборник рисала»). От самаркандских мастеров приходилось слышать о рукописных сборниках рисала, которые информатор называл «Куллийот» («Полное [собрание]»). Видеть такие сборники мне не приходилось. В книжечке с рисала нередко соседствуют тексты иного содержания: молитвы-заклинания (салавот), иногда — сказание о Биби Сешанби⁶ и т. п.

Дошедшие до нас списки рисала, судя по почерку, а иногда и по дате переписки, относятся к позднему времени — XIX в. (может быть, XVIII в.). Но один список (кстати, почерком не отличающийся от других) включен в книгу (уже упоминавшуюся), на которой стоит дата — 1003 г. х., т. е. 1594/95 г.⁷

Все дошедшие до нас рисала представляют собой, несомненно, продукт длительной переработки каких-то более ранних текстов, которые при многократных переписках сознательно или бессознательно изменялись. Старых списков мы не знаем, вероятно, потому, что рисала не хранились бережно: ремесленники носили рисала при себе (в качестве оберега), держали в мастерской, читали во время ритуальных собраний и при случае давали почитать вслух оказавшемуся в мастерской в удобный момент грамотному человеку. Естественно, что при таком употреблении списки рисала ветшали и их владельцы должны были возобновлять их либо перепиской старого текста, либо покупкой нового. Последнее очень облегчилось выпуском литографированных рисала.

Надо заметить, что описанное выше употребление рисала предписывается ремесленникам самими рисала. За это им обеща-

ется преуспевание в работе и покровительство духа — патрона ремесла, что должно не только помочь в делах, но и послужить защитой от обид и оскорблений. В рисала говорится, что, если при ремесленнике находится рисала, его оскорбление будет расценено высшими силами как оскорбление самого патрона ремесла. По рисала ткачей, «тот, кто схватит ткача за ворот или презрительно скажет: „Эй, ты, ткач“, в день воскресения из мертвых будет наказан тем, что встанет из могилы без всякой одежды» (список, хранящийся в Фундаментальной библиотеке САГУ).

Сопоставление семи письменных рисала ткачей и одного устного пересказа мифа, а также сравнение их с рисала других ремесел и занятий позволили установить, что при их общем единстве имеются и свои особенности. Списки рисала ткачей, например, отнюдь не идентичны, хотя во всех встречается немало сходных, даже стереотипных выражений; в целом они имеют общую структуру. Создается впечатление, что при выполнении нового списка не стремились сделать точную копию: каждый переписчик считал себя вправе в соответствии со своими понятиями и умением вносить изменения в текст, служивший ему оригиналом, перекомпоновывать его, добавлять от себя целые отрывки. Порой кажется, что переписчик преследовал цель сделать книжечку пообъемистей: вероятно, это отражалось на оплате. Предполагать это позволяло часто встречающиеся повторения, включение общерелигиозных рассуждений или вопросов и рекомендуемых ответов. Иногда включение более конкретного содержания, видимо, подсказывалось происшедшими столкновениями между разными категориями ремесленников. Наряду с тем некоторые детали или даже части во многих списках опущены, по-видимому, потому, что они потеряли актуальность и перестали интересовать ту среду, для которой предназначался новый список.

В изменениях и отличиях разных списков ощущается определенная тенденция. Одним из главных (если не главным) направлений переработки рисала была их исламизация, стремление сделать из них религиозное руководство. К рисала явно приложили руку мусульманские духовные лица, которые в сельских местностях (впрочем, и в городах) были нередко единственными грамотными людьми, к тому же умевшими не только читать (в мусульманских школах сначала обучали чтению, затем письму), но и писать. Конечно, именно они насытили текст рисала арабизмами, изречениями на арабском языке, изречениями из Корана и хадисов, религиозными наставлениями, суфийскими положениями и терминологией.

Вероятно, рисала могли иногда переписываться и грамотными ремесленниками; такие бывали среди мастеров в крупных городах, но вряд ли хороший ремесленник имел время на переписку, скорее всего, она всегда выполнялась по заказу. Заказчиками могли выступать как ремесленники, так и книготоргов-

цы, стремившиеся обеспечить постоянный, хоть и небольшой, спрос на рисала.

Переписчики были разной квалификации, и это видно по качеству письма и почерку. Среди них не было искусных каллиграфов. Р. Г. Мукминова на основании почерков высказала предположение, что переписчиками рисала нередко были недостаточно грамотные студенты медресе⁸. Конечно, могло быть и так, но, по наблюдениям, плохо писали и многие муллы, давно кончившие учиться и исполнявшие обязанности имамов мечетей. При назначении на эту должность не требовалось большого образования: достаточно было умения предстоять на молитве и исполнять требы. Некоторые муллы, являвшиеся имамами, занимались писанием молитв для амулетов, тексты которых, как правило, писались такими же почерками, что и рисала. Всякие религиозные дополнения к рисала, в частности суфийского характера, скорее подтверждают предположение, что переписчиками рисала были духовные лица, притом не чуждые суфизму.

Рисала всех ремесел и занятий имеют одинаковую в целом стандартную структуру, хотя и не очень строго соблюдаемую. Это, как и многие другие общие черты рисала разных ремесел, говорит о том, что все они генетически связаны друг с другом.

Рисала делятся на следующие части: миф о происхождении ремесла или занятия, дополняемый сообщениями о появлении его отдельных отраслей, иногда — рассказом об установлении ремесленной обрядности; наставление о молитвах и заклинаниях или стихи из Корана, которые нужно произносить при совершении тех или иных трудовых операций; правила поведения ремесленников в основном религиозно-нравственного характера, к которым примыкают наставления чисто религиозные; перечень имен святых, знать которые предписывается как ремесленникам, так и людям неремесленных занятий, суфийские степени познания (шариат, тарикат, хакикат).

Эти разнохарактерные части не всегда расположены в одинаковой последовательности, не отделяются одна от другой четкими границами; в одну из них может вклиниваться часть другого отрывка, иногда в виде повторения уже сказанного. Лишь в некоторых списках обнаруживается относительная стройность, отсутствуют повторения.

Большой исторический интерес имеет отражение в рисала отношений между различными категориями ремесленников: хозяевами мастерских; работавшими у них наемными мастерами; учениками. Этот сюжет затрагивается в немногих рисала. В некоторых списках мы находим наставления, адресованные ученику и наемному мастеру, требования почтительности и послушания, косвенно свидетельствующие о том, что они не всегда соблюдались, что в мастерских происходили конфликты. Эти вставки явно внесены в текст рисала в какой-то определенный момент, вероятно, в связи с тем, что в том районе, где выпол-

нялся новый список, и, можно думать, в той отрасли, которой принадлежит данное рисала, имело место проявление недовольства. Такой же, нечасто встречающейся вставкой является предупреждение ученикам-ремесленникам о недопустимости самостоятельного занятия ремеслом, без посвящения и разрешения на то мастера-учителя. И эта вставка, несомненно, была вызвана конкретными случаями (или случаем) нарушения правила, которое позволяло мастеру долгое время, нередко годы, пользоваться бесплатным трудом ученика. Обычай санкционировал это право мастера, но иногда им так злоупотребляли, что вмешивались старшина цеха и цеховая общественность. Подобные случаи были исключительными, а недовольство вызывали даже нормы, разрешаемые обычаем. Иногда ученик сбежал от учителя, часто в другое место для самостоятельной работы. Если это обнаруживалось, его ждало суровое наказание. В рисала предусматривались жестокие кары, которые постигали того, кто решался на открытое неповиновение цеховым законам.

В рисала отрасли ремесел упоминаются лишь в связи с сообщением о том святом, которому приписывается начинание данного производства, но материалов для определения времени «отпочкования» отрасли нет.

Весьма интересны сведения о технике ремесла, содержащиеся в рисала, хотя и они крайне ограничены. Мы не находим здесь специальных технических рекомендаций, рецептов или нормативов, требований, предъявляемых к продукции труда ремесленника. Имеется только перечень операций, на которые распадается производственный процесс и которые перечисляются в связи с предписанием произносить при начале их определенные молитвенные формулы. По этнографическим материалам мы теперь знаем об этих операциях более подробно и конкретно, и здесь ценно подтверждение устных сообщений, записываемых этнографами, письменным источником.

Из «рецептов», которые содержатся в рисала, мы встречаем один — указание на приготовление крахмала для пряжи или тканей. В рисала говорится (в форме вопроса и ответа), что крахмал состоит из трех вещей: огня, воды и муки. Пропорции (что было бы важно для рецепта) не указаны.

В рисала упоминаются и различные орудия, станки или их части, при использовании которых было необходимо произносить определенные молитвенные формулы. Такие отрывки в разных списках рисала (как одного ремесла, так и разных ремесел) значительно отличаются друг от друга, стандартно только их общее направление и некоторые стереотипные выражения, свойственные этой части рисала. В одних списках предлагается читать молитву при каждом действии, начиная с занятия места за станком, в других, кроме того, советы даются на случай мелких неудач: порвется нить основы или упадет в яму, куда ткач спускает ноги, его челнок. Видимо, таким неудачам при-

давалось значение неблагоприятной приметы, действие которой молитва должна была предотвратить.

Особую часть рисала составляют правила поведения ремесленников (аркон). В основном они носят религиозно-нравственный характер: требование соблюдать чистоту тела, совершать ритуальные омовения и пятикратную молитву, быть богобоязненным, правдивым, вежливым, иметь приветливый характер, любить ученых (олимон), под которыми, конечно, подразумевались духовные лица, подавать милостыню — садака (пожертвования с религиозной целью). Предписания начинаются словами: во-первых, во-вторых, в-третьих... Эта их особенность, как и все их содержание, близко напоминает буддийские наставления⁹; возможно, наставления ремесленнику приобретали описанную форму не без их влияния.

Данная часть рисала может иметь интерес для изучения распространенного в народе кодекса нравственности, регулировавшего поведение простых людей. Все приведенные выше правила, конечно, не только предписывались ремесленникам, но и должны были определять поведение каждого человека из народа. Этот аспект пока еще не затронут исследователями ни в этнографических, ни в философских работах.

Из сюжетов общерелигиозного характера в рисала содержится перечень имен основных святых и пророков, которым предписывается знать каждому ремесленнику, как и всякому мусульманину. Перечень начинается с Адама и идет под номерами. Первые четыре персонажа сначала называются их канонизированными прозвищами, а потом, в форме вопросов и ответов, раскрываются их подлинные имена: Абдурахмон — это Адам, Абдуджаббор — Ной, Абдукаххор — Авраам, Абдулазиз — Мухаммад. Перечисляются (не во всех рисала) основатели направлений в исламе (пир-и мазхаб). Интерес представляет имеющийся в некоторых рисала перечень имен выдающихся мастеров своего дела. Так, в рисала земледелия мы находим имена 18 «благороднейших дехкан» (дехкон-и ашроф); первые поименованы по сторонам света (Абдуджалил Восточный, Абдурахмон Северный, Абдулкарим Западный, Абдулазиз Южный), а далее имена сопровождаются нисбой по местности: Нуриддин Самаркандский, Зайниддин Серахский, Йормухаммад Термезский, Не'матулло Кундузский, Абдулло Кашгарский, Убайдиддин Бухарский, Абдулло Хисарский, Абдулло Хамаданский, Мухаммад Ташкентский, Султон Ахмадходжа Туркестанский, Шамсиддин Табризский, Алимухаммад Хорасанский, Абдулвахид Багдадский. Части имен соответствует регион, выходящий за пределы Средней Азии, однако в перечне явно преобладают имена среднеазиатских дехкан, и с них начинается перечень.

В рисала плотников (дурудгар) упомянуты несколько имен, после чего сказано, что «цепочка» (силсила) идет до Мухаммада и дальше. Не приводя этот перечень, следует заметить,

что и в нем указываются мастера реальных местностей: ташкентец, хиндустанец и т. п., однако такие указания сопутствуют не каждому имени (систематичности, которая наблюдалась в рисала земледелия, здесь нет).

Эти имена пока остаются нерасшифрованными. Может быть, через них до нас дошла память о реальных, когда-то живших людях, прославившихся своим мастерством. Но некоторые из имен, видимо, принадлежат не ремесленникам, а суфиям. Таково имя — Султон Ахмад Туркестанский, под которым, вероятно, скрывается Ахмад Ясави.

Наиболее важной для ремесленников частью рисала, которую все они более или менее точно знали, был миф о происхождении ремесла (или неремесленной профессии). Эта часть, несомненно, является древнейшей. Начало каждого вида деятельности, в том числе и ремесел, приписывается какому-нибудь персонажу, мифическому или историческому, который, по велению Аллаха, впервые занялся данным делом. Рядом с этой фигурой почти во всех рисала стоит архангел Гавриил (Хазрати Джаброил), которому поручено обучать профессии. Перед нами «священная история» ремесла, поднимающая престиж профессии и тех, кто ею занимается.

В той редакции, в какой дошли до нас списки рисала, начинателями профессий выступают либо библейские персонажи, воспринятые мусульманством из иудаизма (Адам, Ева, Ной, Авраам, Илья, Давид и т. п.), либо лица, упомянутые в Коране (Лукман-мудрец), либо обычно (в качестве начинателей отраслей) исторические личности, причисленные мусульманами к святым. Среди них преобладают суфийские шейхи: бухарцы Абдухолик Гидждувани (XII в.), Баховаддин Накшбанд (XIV в.), хивинец Наджмиддин Кубро (XIII в.); в этом перечне встречается также имя Абуали ибн Сина (X в.).

Причиной, по которой тот или иной персонаж сделался в народном представлении (в рисала) основателем и покровителем той или иной профессии или ее отрасли, была какая-нибудь особенность его мифической биографии, содержание связанной с ним легенды или его прозвище. Так, Адам, согласно библейскому мифу вынужденный обрабатывать землю, признавался основателем и патроном земледелия; Ной, построивший корабль, на котором люди спаслись от всемирного потопа, — патроном плотников; патроном гончаров считался суфий XIV в. Саид Мири кулол, а ткачей, вырабатывавших узорчатые ткани, — Баховаддин Накшбанд, хотя ни тот, ни другой не занимались ремеслами, на которые указывают их общеизвестные прозвища.

Покровителями ремесел или их отраслей, выделившихся сравнительно поздно, становились мусульманские святые, время жизни которых в известной степени соответствует времени появления ремесла или выделения отрасли. При выделении каждой отрасли у нее появлялись и патрон, и посвященный ему

культ. Насколько это признавалось необходимым для утверждения общественного статуса профессии, показывает освещенный мной в печати пример поисков патрона ремесленниками, изготовлявшими табакерки из тыквочек. Это ремесло развилось в Самарканде только в начале XX в.¹⁰

Одни мифы имели древнее происхождение; в них мы встречаем архаические, полные значения детали. Другие мифы явно подражательны, связаны с более поздним обществом. Однотипность, стандартность рисала разных ремесел и занятий свидетельствует о том, что некоторые мифы о происхождении ремесла и некоторые рисала складывались или, во всяком случае, отливались в письменную форму по уже сложившемуся образцу. Выделение среди рисала и среди сказаний о происхождении ремесла наиболее древних представляет собой одну из задач исследователя рисала как источника.

По своему генезису наиболее ранние сказания о начале профессий восходят к древним мифам о так называемых «культурных героях», научивших человечество обращать себе на пользу законы природы и давших людям необходимые орудия. Такое истолкование сказаний о происхождении ремесел было предложено мной в докладе на Всесоюзной этнографической конференции, состоявшейся в Ташкенте в 1944 г. Этот доклад был опубликован только спустя 37 лет. За истекший период не появилось новых работ, содержащих анализ рисала в их идеологическом аспекте, и высказанная мной мысль не получила отклика и дальнейшей разработки. Не возвращалась к ней и я сама. Тем приятнее было увидеть такую же трактовку аналогичных славянских мифов у Б. А. Рыбакова¹¹. Мифы, сложившиеся в столь отдаленных друг от друга регионах, в Средней Азии дошедшие до нас в форме рисала, имеют генетически общие черты, которые распознаются в рисала, несмотря на их глубокую трансформацию под влиянием ислама, несомненно сильно исказившую их первоначальное содержание. Общими в основном являются весь сюжет и некоторые детали, в частности мотив о ниспослании орудий труда с небес. Это сходство следует трактовать как явление стадияльное, спонтанно возникшее у разных этносов на определенном этапе их культурного развития.

Характер мифа о «культурных героях» свойствен прежде всего мифам о самых ранних занятиях. Таковым можно считать сказание о происхождении земледелия, отраженное в рисала земледельцев. Его древняя основа перекрыта библейским мифом об изгнании из рая Адама, заимствованным исламом из иудаизма и канонизированным. У мусульман Средней Азии он обрел своеобразные черты. Растением, плоды которого отдавал Адам вопреки запрету, была пшеница (дарахти гандум), и грехопадение совершил сам Адам: Евы тогда еще не было, она появляется только после изгнания Адама из рая. Этот вариант мифа был, видимо, общераспространенным среди населения и

имелся не только в рисала: я слышала его в устной передаче от таджиков селения Шахристан.

Таким образом, Адам, которому бог приказал возделывать землю и ниспослал через архангела Гавриила все орудия, был зачинателем земледелия. Но в этой роли он появился, вероятно, совсем недавно. В 20-х годах этого столетия М. С. Андреев зафиксировал представление о другом патроне земледелия — Деде-земледельце (Бобойи дехкон), к которому дехкане обращались с молитвами и которому приносили жертвы. Как пишет М. С. Андреев, «и теперь таджик, собирая свой урожай, отделяет соответствующую часть, которая называется „доля Деда-земледельца“ (хакки Бобойи дехкон)»¹². В условиях экономически развитых районов древнего орошаемого земледелия и городской жизни замена архаического Деда-земледельца Адамом произошла, конечно, раньше, чем в глухих горных районах, однако не настолько, чтобы память об этом совершенно изгладилась: М. С. Андреев замечает, что долю Деда-земледельца (в годы, когда М. С. Андреев собирал этнографические материалы) выделяли таджики и на равнинах. Дед-земледелец не был фигурой совершенно абстрактной, его живым заместителем в каждом селении считался старейший крестьянин, знаток своего дела. Он совершал все посвященные патрону земледелия ритуалы и в известной мере руководил земледельческими работами своих односельчан.

В рисала земледельцев рассказывается о том, что орудия труда и рабочие быки были ниспосланы Адаму из рая. Состав этих орудий и виды рабочего скота, упоминаемые в связи с наставлениями произносить при каждом действии соответствующие молитвенные формулы, указывают на то, что в рисала речь идет о плужном земледелии. Возможно, к началу этого этапа восходит и древний миф о появлении земледелия.

Рисала скотоводов имеет совершенно иной характер и представляет собой, по существу, бледное подражание рисала земледельцев. Скотоводство тоже возводится к Адаму. В имеющемся у меня рисала скотоводов говорится только об овцеводстве. Рассказывается, что из рая были посланы Адаму восемь голов скота: семь овец и один баран-производитель. Из текста ясно, что имеется в виду овцеводство товарного направления: говорится о тех молитвах, которые надо произносить перед продажей овец на рынке и при заключении торговой сделки. Уже это одно свидетельствует об относительно позднем происхождении этого рисала.

К древнейшим мифам о профессиях можно отнести миф о происхождении ткачества. Его история рисуется в разных списках по-разному. В использованных мной литографиях и списках, как и в том, перевод которого сделал М. Ф. Гаврилов, ткачество начинается с изготовления бумажных тканей. Рассказывается, что хлопок вырос из двух фиговых листьев, которыми Адам, изгнанный из рая, пытался прикрыть свою наготу. Хло-

пок вырос и созрел, но Адам не знал, что с ним делать. Тогда бог приказал архангелу Гавриилу: пойдя, покажи Адаму его Еву. С неба была доставлена прялка, и Ева стала прясть хлопок, а Адам — ткать.

В этом мифе, как и в мифе о земледелии, отражен тот более поздний этап истории ткачества, который был связан с употреблением довольно сложной прялки, имеющей некоторую механизацию: передачу движения с колеса на веретено. В некоторых списках рисала говорится и о станке с бердом, ремизами, педалями, нажимом на которые достигается раскрытие зева нитей основы¹³.

Но в двух из имеющихся в моем распоряжении списков рисала ткачеству из хлопка предшествует тканье шерстяных материй и прядение ниток из шерсти, что относится к более раннему в истории ткачества этапу. Рассказывается, что Адаму было не под силу обрабатывать землю и он обратился к богу. Ему был ниспослан с небес баран, мясо которого Адам должен был съесть, чтобы подкрепиться. Шерсть этого барана Ева спряла, а Адам стал ткать.

Так как этот эпизод отсутствует во всех остальных списках, он показался сначала привнесенным откуда-то извне, из другой этнической среды, порождением иной традиции. Известно, что для жителей районов древнего орошаемого земледелия истари было свойственно обрабатывать хлопок, шелк-сырец, но не шерсть. Последнюю использовали для изготовления тканей скотоводы-кочевники, принадлежавшие к тюркоязычным народам, да таджики горных районов, где не было никакого другого волокна, кроме шерсти.

Однако ткачество тоже начинается с шерсти и в устной передаче мифа о начале ткачества самаркандским мастером Мухаммади Акрамовым, вязчиком ремиз и гребней для берд и ткачом. Его рассказ, основанный, по его словам, на имевшемся у них в доме рисала, а также на том, что он слышал от своих старших родственников, ремесленников той же специальности, настолько интересен, что я считаю нужным привести его почти полностью в русском переводе (как он и был мной записан), тем более что пока он существовал только в моем архиве.

В рассказе есть такие детали, которые ведут в глубокую древность. Вместе с тем любопытно и то, как в нем отразилась личность рассказчика, невольно внесшего свои добавления в изложение и свое понимание излагаемого.

Рассказ начался с изгнания Адама из рая и предписания заниматься земледелием. Обработка земли оказалась ему не по силам, и он обратился к богу с просьбой о помощи. В ответ на это «из рая появился баран (гусфанд), мясом которого Адам должен был подкрепиться. Взявши его шерсть, святой Гавриил научил Еву прясть. В то время прялки не было. Своей мыслью (фикир-кати) придумал веретено с пряслицем (урчук), наподобие того, на котором прядут шерсть узбеки (имеются в

виду узбеки-степняки.— О. С.). Спряли, крутя [веретено]. Тогда основу ткани сновали не так, как теперь снуют [ремесленники], а так, как снуют для тканья паласов (шол). Основа была круглая (давра). Потом соткали, подобно тому как ткут паласы... сделали одежду. А во времена Кийомарси-Адама — так называют второго человека (одами сони) — появилось возделывание хлопчатника. Своим умом изобрели прядение хлопка. Появился святой Ной (хазрати Нух), он изобрел прялку (чарх йофтанд), сделал ткацкий станок. Все это было сделано своим умом, никто не пришел и не научил. Строительство лодок, гончарство, плотничество, обмывание мертвых — все это появилось от Ноя, так как у него мысль была развитая (чуки фикрашон таракки карда рафтаги буд). После этого был пророк Даниил (Доний-ор-пайгамбар), от которого пошло изготовление берда и ремиз. Царь бросил его в темницу, он там скучал и попросил бога дать ему какую-нибудь забаву (эрмак). Тогда архангел Гавриил принес гребень берда (тег), наполовину связанный, наполовину нет, и научил святого Даниила, как довязать гребень. Из-за того что тогда обе половины вязались отдельно, и теперь вяжут половину справа налево, половину — слева направо. Сделав это, пропустили [нити] через отверстия в гребне. Потом дали это пророку Сифу (Шиши-наби). Поэтому вязчики ремиз имеют половинную долю в доходах ткачей (гулябардор косиби-ба нимхакк дорад). Ткачи без разрешения вязчика ремиз не могут совершать обряд арвохи-пир, а на пиршестве [по этому поводу] прежде всего сажают на почетное место вязчика ремиз. У Ходжа Данийора появились ученики. Сначала он взял ремизы правой рукой и так разбогател, что порог дома стал делать из золота. Тогда он сказал [себе]: э-э, если я так преуспел за три-четыре дня, то после моей смерти мастера, также богатея, не захотят работать. Появился архангел Гавриил, сказал: вяжи левой рукой. Поэтому и теперь вязчики ремиз работают левой рукой».

Далее сказано, что при установке станка кое в чем были затруднения, и вертевшийся поблизости шайтан подсказал пару маленьких, но хитроумных приемов или приспособлений. Предложенные им приспособления употребляются и поныне, поэтому и шайтан имеет право на часть доходов ткача. В письменных текстах этой детали сказания нет. Однако в рисала плотников подобный рассказ есть. Но если в устной передаче шайтан своей цели добивается, то в письменном тексте он оказывается посрамленным и помощь приходит не от шайтана, а от бога. Однако представление о том, что шайтан приложил руку ко всем ремеслам и во всех имеет свою долю, было распространено в Самарканде очень широко: об этом говорили многие мастера и в городе, и в пригородных селениях.

В том мифе, который был записан от Усто Мухаммади Акрамова, мы находим одну ценнейшую деталь, отсутствующую во всех без исключения списках: в рассказ вклинивается упо-

минание о Кийомарси-Адаме — «втором человеке» (одами со-
ни). Это имя, слегка искаженное рассказчиком, хорошо извест-
но по древнеиранскому эпосу: фонетическая близость к имени
другого персонажа, еще более древнего происхождения, чело-
веко-быка Гайомарда, настолько несомненна, что востоковеды
ставят между ними знак равенства¹⁴. То, что Кийомарс/Гайо-
мард в передаче ремесленника назван «вторым человеком»,
малодушно вполне понятно: с первого места его вытеснил Адам, за кото-
рым это место было закреплено официальной догмой ислама.
Однако мы видим, как в народных представлениях за фигурой
Адама стоит другой «культурный герой», персонаж, восходящий
к прачеловеку Гайомарду. Правда, в рассказе он связывается
не с ткачеством, а с появлением хлопка, но ясно, что имелась
в виду именно его роль как зачинателя тканья бумажных мате-
рий, — недаром это имя возникло не где-нибудь, а в мифе о
начале ткачества. Видимо, в первоначальном варианте мифа,
излагаемого в уже трансформированном виде в рисала ткачей,
этот персонаж и был изобретателем искусства тканья, его и
сменили мусульманские святые, которым эта роль была обес-
печена внедрением ислама во все области жизни мусульман.

Мифы о ткачестве и земледелии — наглядные примеры за-
мены древних «культурных героев» мусульманскими святыми.
Это был процесс, охватывавший не одну узкую сферу деятель-
ности; он распространялся на все (в принципе) виды деятель-
ности человека. Наиболее архаичным был образ патрона земле-
делия Деда-земледельца. В нем нашли отражение идеи, поро-
жденные культом предков, сказавшимся и в самом патриархаль-
ном имени мифического зачинателя земледелия. Архаично и
представление о его воплощении в живых конкретных людях —
наиболее знающих пожилых земледельцах каждого селения.
Образ зачинателя ткачества несет в себе следы более позднего
этапа развития ремесла: он сложился в древнем обществе.
Но и его корни, как считают ученые, восходят к первобытности,
к тотемизму.

Вопрос о патроне ткачества в рисала трактуется туманно и
противоречиво. С одной стороны, зачинателем этого ремесла
признается Адам, и это, по традиции, должно было бы обеспе-
чить ему место покровителя ткачества. Однако патроном счи-
тался не он, а неожиданно появившийся пророк Сиф (Шиш).
В некоторых рисала он значится как сын Адама; в них содер-
жатся и некоторые подробности о нем. В других рисала о его
происхождении умалчивается. К тому же Сиф в тех списках,
в которых имеется сюжет с тканьем шерстяных изделий, пред-
шествовавший ткачеству из хлопка, признается зачинателем
бумажного тканья: он тклет карбос — простейшую бумажную
ткань, известную под этим названием еще во времена Наршахи
(X в.) и производившуюся в первые десятилетия советского
времени.

Фигура Сифа, а вернее та, которую он вытеснил, проясняет-

ся в устной передаче мифа: Шиш, сын Адама, появился без
участия Евы, из семени Адама, в стеклянном сосуде. Послед-
няя деталь истолковывается легко: имя Шиш созвучно термину
«шиша», обозначающему «стекло». Сам же мотив зарождения
Сифа из семени Адама опять ведет нас к Гайомарду. По
Бундахишне, первая человеческая пара тоже произошла
из семени Гайомарда, без участия женщины¹⁵. Вот такие глу-
бины открываются нам в устно передаваемых мифах, имеющих,
вероятно, под собой не столько письменную, сколько устную
традицию.

Сюжет о зачинателе ткацкого ремесла не остановился на
первом этапе «священной истории» ткачества. По мере того как
это ремесло развивалось и в нем выделялись отрасли, каждая
из которых производила определенный сорт тканей, к древнему
мифу, рассмотренному выше, добавлялись имена тех, кто якобы
начинал эти отрасли. Эта часть рисала, обязанная своим появ-
лением традиции, породившей основной для данного ремесла
миф о «культурном герое», нередко оказывается текстуально
отделенной от мифа об Адаме и Сифе другими частями рисала,
которые были выделены мной выше. Продолжение мифа о за-
чинателе ремесла лишено конкретики, состоит по большей ча-
сти в перечислении только одних имен тех, кто ввел производ-
ство новых видов тканей, отражая важный для истории ремесла
процесс разделения труда, который в феодальном обществе
шел в основном по пути потоварного разделения. В связи с
этим интерес представляет перечисление сортов тканей. Среди
отраслей упоминается производство тканей из шерсти, осново-
положником которого назван великий ученый средневековья
Абуали ибн Сина. Нужно полагать, что подразумевается не при-
митивная работа на станке типа урмак. Возможно, в прошлом
и в экономически развитых районах существовало ремесленное
производство тканей из шерсти. Интересно вспомнить, что ки-
тайский путешественник XIII в. Чан-чунь описывает одежду
населения Самарканда как одежду из тонкой белой шерсти¹⁶.
Нет сомнений, что это не та грубая шерсть, которую выраба-
тывали на примитивных станках кочевники. Как ремесло про-
изводство тканей из шерсти к XIX в. было утрачено.

В качестве покровителей-патронов всех выделившихся от-
раслей ткачества выступают почти исключительно исторические
лица. В подавляющем большинстве это известные суфии, при-
численные к святым: зачинателем тканья алачи (полосатая бу-
мажная ткань) назван Наджмиддин Кубро, основатель суфий-
ского ордена кубравия, имевшего особое распространение в Хо-
резме; патроном тканья маты — Абдухалыки Гиджудвани; шел-
ка — Юсуф Хамадони и т. п. Это деятели эпохи средневековья,
причем разных его этапов. Если нет оснований отождествлять
время их жизни с началом профессии или отрасли, покрови-
телями которых они считались, то некоторый материал для от-
носительной хронологии разделения труда в ремесле здесь, воз-

можно, заложен. Выделение отраслей в ходе развития потоварного разделения труда в ремесле, в частности в ткачестве, происходило больше всего в недрах феодализма, и разные отрасли появлялись на разных этапах последнего. Соотнесение времени появления ремесла с годами жизни (по мифологическим представлениям) его патрона делало и информаторы: по их мнению, древнейшими занятиями были земледелие и ткачество, так как их начинал «святой Адам», а ремесла, патроном (или начинателем) которых был Ной, появились позже: Ной жил позже Адама.

В форму мифа облечена не только история ткачества, но и появление в нем разных категорий тканей. Покровителем наемных мастеров (халфа) считался святой Бурх (Девонайи Бурх сармасти-вали 'безумный, опьяненный Бурх'). Мы не будем вдаваться в эту мифическую личность (Бурху посвящены специальные работы или разделы, вызвавшие дискуссии¹⁷), заметим только, что, по данным Н. А. Кислякова, связь этого «святого» с ткачеством наблюдалась и в далеком горном селении, причем речь идет о тканье из шерсти. Для объяснения отношения святого Бурха к наемным ткачам, которые в просторечии назывались девонабача («безумные ребята», по прозвищу патрона), была создана легенда, повествующая о том, что Бурх сам работал в качестве наемного мастера, а когда получил расчет, все данные ему серебряные монеты высыпались через дырку в мешке. Вот почему наемные мастера никогда не богатели, сколько бы ни работали. В некоторых сообщениях Бурх выступает как халфа, работавший у пророка Сифа. К последнему иногда относили и приведенную выше легенду: наемным мастером был не Бурх, а сам Шиш.

Рассмотрев вопросы, которые рисала ремесленников и других профессий освещают с большими или меньшими подробностями и конкретностями, можно сделать следующие выводы.

1. Рисала — источник крайне синкретичный, в них соединяются части различного и разновременного происхождения. Некоторые из этих частей (мифы) восходят порой к глубокой древности, и сами рисала в основном сложились очень давно. Большая же часть рисала несет следы подражания рисала древних профессий. Они создавались сознательно, с определенной целью, так как наличие «священной истории» ремесла или профессии, патрона, посвященного ему культа было в свое время обязательно для поддержания престижа профессии и положения в обществе ее специалистов.

2. Рисала освещают разные аспекты народной жизни и могут служить источником для их изучения. Однако при всей кажущейся простоте, неприязательности, даже примитивности рисала это источник многогранный, для его понимания необходимо участие в исследовании специалистов разных наук: историков, филологов, исламоведов и даже религиоведов, этнографов.

3. В своей основе рисала представляют собой «священную

историю» профессий (в некоторых рисала восходящую к мифам о «культурных героях» и к древнейшим мифологическим образам) и дают наиболее богатый материал для изучения вопросов идеологии. Вместе с тем в рисала отразились и сравнительно поздние напластования, в частности ислама, и они являются неоценимым источником для изучения ислама в его народных формах.

¹ [М. Ф. Гаврилов]. Рисала сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов. Собрал и пер. М. Гаврилов. Таш. 1912, 58 с.; он же. О ремесленных цехах в Средней Азии и их статутах — рисоля. — Известия Средне-Азиатского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы». Таш., 1928, вып. 3, с. 223—241; П. Комаров. Несколько слов о «рисала», т. е. посланиях или поучениях ремесленников. — «Туркестанские ведомости», 1901, № 45; М. С. Андреев. «Рисаля» кузнечного цеха из Северной Индии на языке пушту. — Сборник Туркестанского Восточного института в честь А. Э. Шмидта. Таш., 1923, с. 9—13; он же. По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний (рисаля). — «Этнография». 1927, кн. 4, № 2, с. 323—326.

² Р. Г. Мукминова. Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVI в. Таш., 1976, с. 25—29.

³ Рукописная рисоля скотоводов на узбекском языке была получена от Е. М. Пешеревой, которой приношу свою благодарность.

⁴ М. Ф. Гаврилов. О ремесленных цехах..., с. 232—241.

⁵ М. С. Андреев. Поездка летом 1928 г. в Касанский район (Северная Фергана). — «Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами». Таш., 1929, Т. 1, с. 116, 117.

⁶ О Биби Сешанби см. М. С. Андреев. Средне-Азиатская версия Золушки (Сандрильоны). Св. Параскева Пятница. Диш-и Сафид. — М. С. Андреев. По Таджикистану. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. Вып. 1. Таш., 1927, с. 60—76; О. А. Сухарева. Ислам в Узбекистане. Таш., 1960, с. 40—41.

⁷ Рукописная книга из Отдела восточных рукописей бывшей Государственной Публичной библиотеки Ташкента, шифр 3071.

⁸ Р. Г. Мукминова. Очерки..., с. 26.

⁹ С. Ф. Ольденбург. Жизнь Будды, индийского учителя жизни. Лекция, прочитанная при открытии буддийской выставки. Пб., 1919, с. 27—28. Об истории буддизма в Средней Азии см. Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Аджина-Тепе. М., 1971, с. 110—133.

¹⁰ О. А. Сухарева. К истории художественного ремесла в Узбекистане (производство табакерок). — МАЭ. Т. 14. М.—Л., 1953, с. 126, 127; она же. О ткацких ремеслах в Самарканде. — История и этнография народов Средней Азии (Сборник статей). Душ., 1981, с. 34, 35.

¹¹ Б. А. Рыбаков. Язычество древних славян. М., 1981, с. 530.

¹² М. С. Андреев. По поводу процесса..., с. 324.

¹³ Сопоставление техники обработки шерсти и хлопка см. О. А. Сухарева. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность. Таш., 1962, с. 140, 141.

¹⁴ И. С. Брагинский. Очерки из истории таджикской литературы. Сталинабад, 1956, с. 28, 30.

¹⁵ Цит. по: И. С. Брагинский. Очерки из истории..., с. 28, примеч. 2.

¹⁶ В. В. Бартольд. Туркестанский край в XIII веке (По рассказу китайского путешественника). — Сочинения. Т. 3. М., 1965, с. 240, 241.

¹⁷ Н. А. Кисляков. Бурх — горный козел. — СЭ. 1934, № 1—2, с. 186; В. Н. Басилов. Культ святых в исламе. М., 1970, с. 18, 122—124.

А. Орасову

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИТОГИ ПОЛЕВЫХ РАБОТ ИНСТИТУТА
ЭТНОГРАФИИ В 1970 ГОДУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы

Москва 1971

простоту и легкость распределения поливной воды между крестьянскими наделами в удаленных от селения массивах. Главной причиной этого они считали одинаковый размер поливаемых наделов. Это отмечалось в разных частях долины Ангрена. Одинаковые наделы крестьян свидетельствуют, с одной стороны, о существовавшем здесь общинном пользовании землей, а с другой стороны — о недавнем его исчезновении.

К низовьям Ангрена, вокруг Пскента, не сохранилось каких-либо следов старых форм землепользования, Тем не менее и здесь выявлялись их признаки, и в большей мере, нежели в верховьях. Здесь, на одном из окраинных каналов, мирабы следили за жеребьевкой воды между крестьянами, имевшими в этом месте свои наделы; последние же были самых различных размеров. Жеребьевку прекратили примерно в 1910–1914 гг. из-за серьезного повреждения головы каналов, затруднившего полив.

Итак, общинное землепользование сохранялось дольше всего и в большей степени в районах преобладания злаковых зерновых, сочетавшихся с другими пропашными культурами. Там же, где земледелие сочеталось с развитым скотоводством или в полеводстве преобладали трудоемкие, влаголюбивые культуры (рис, хлопчатник), отмечается наиболее раннее и полное исчезновение общественных земель. Как результат взаимной связи между направлением земледелия и принципами пользования землей, пережитки общинных традиций в Ташкентском оазисе неуклонно исчезают по мере приближения к горным районам, к верховьям крупных ирригационных систем.

О.А. Сухарева

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ОДЕЖДЫ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Изучение истории костюма по этнографическим данным позволяет вскрывать пути его эволюции с конца XIX — начала XX вв. Известно, что в этот период в среднеазиатской

народной одежде произошли изменения, вызванные установлением культурных связей с народами России. Появились покрои, принципиально отличные от старинных местных, представлявших туникообразные формы, из которых, в результате их собственной эволюции выделилось несколько специфических по своему назначению и чертам видов одежды. На смену этим видам старинной местной одежды пришла одежда типа камзола, отличавшаяся от широких, просторных, не облегавших фигуру местных халатов совершенно иным силуэтом. Камзолы были одеждой прилегающей, весь покрой которой следовал линиям человеческого тела: у них был шов на плечах, выкройные рукава и проймы, шов на спине, вырезные бока, застегивался камзол на пуговицы, имел прорезные петли. Он настолько отличался от местной одежды, что его проникновение в быт было на первых порах сильно затруднено общественным мнением. Поборники старины, особенно духовенство, осуждали этот новый покрой одежды как несовместимый с правоверием.

При работе этого года в Самарканде была обнаружена переходная форма, в которой сочетались черты старого и нового типа одежды: это халат, имеющий шов на плечах, слегка вырезанные рукав и пройму, но спину без шва, прямые бока. Он делался достаточно широким и носился нараспашку, не имея застежек. Воротник был отложной, пришитый к полам. Такой халат носили и мужчины, и женщины. Он был известен, и не только в Самарканде, под знаменательным названием "румча" — "византийский".^I Вряд ли это название можно связывать с византийским происхождением этого вида халата, но оно явно говорит о том, что это покрой заимствованный и, вернее всего, с запада. Халат покроя "румча", хотя и отличался принципиально от местной старинной одежды, каждая деталь которой была освящена традицией, но не так сильно, как одежда типа камзола и, вероятно, облегчил вхождение в быт камзола и других видов новой одежды.

^I Женский халат "румча" отмечен для Ленинабада (Н.Н. Ершов, З.А. Широкова. Альбом Таджикской одежды. Душанбе, 1969, стр. 7). Здесь его покрой не охарактеризован.

Большой интерес для истории костюма имеет изучение ритуальной одежды. В ней нередко сохраняются старые формы, исчезнувшие из обычного повседневного костюма. Особенно трудно поддается изменениям костюм, связанный с погребальными обрядами, как и сами эти обряды.

Траурный костюм народов Средней Азии не получил в литературе достаточного освещения. Опубликована специальная статья, посвященная одному виду верхней женской одежды узбеков Ташкента (мурсак, мунисак или калтача), который к концу XIX в. получил значение траурной одежды.¹ Есть изображение таджички из Ленинабада в траурном костюме, в аннотации к таблице дан перечень надетых на ней предметов.² В нескольких работах было отмечено, что траурным цветом у народов Средней Азии считается синий. Но даже в специальном издании — книге "Казахская народная одежда"³ траурный костюм не охарактеризован. Этот пробел объясняется установкой большинства исследований на анализ отдельных видов одежды, а комплексы костюма, в том числе траурный, остаются при этом не описанными.⁴ Таким образом, задача изучения различных вариантов траурного костюма остается актуальной.

Материалы, собранные автором в 1970 г. в Самарканде и дополнившие записи прежних годов, свидетельствуют, что при рассмотрении траурного костюма надо выделять повседневный траурный, носимый близкими родственниками умершего в течение года, и костюм, надеваемый ими на похороны и лишь в первые дни после смерти члена семьи.

1 М.А.Бикжанова. Мурсак — старинная верхняя одежда узбеков г.Ташкента. Сб. "Памяти М.С.Андреева", Душанбе, 1960 г.

2 Н.Н.Ершов, З.А.Широкова. Указ. соч., табл. 5 (пояснение), стр. 24.

3 И.В.Захарова, Р.Д.Ходжаева. Казахская народная одежда, Алма-Ата, 1964.

4 Подробное описание комплексов: З.А.Широкова. Женская одежда Горного Таджикистана /рукопись/.

Отличительной чертой повседневного траурного костюма является его цвет — синий, для особенно глубокого траура черный, а также отказ от ношения украшений, столь обычных для костюма женщин Средней Азии. Не принято также подводить брови, что обычно делали молодые женщины.

Эту траурную одежду начинают носить однако не в день смерти члена семьи и не на похоронах: в течение двух-трех дней близкие родственники умершего одеваются в самые нарядные одежды, но без украшений — их снимают тотчас после наступления смерти. Принимая пришедших на похороны, женщины из семьи умершего бывают одеты в мунисаки, получившие сейчас значение специфической похоронной одежды, а еще в самом начале XX в. служившие также обычной выходной одеждой. Отличительной чертой похоронного костюма является то, что мунисак опоясывают широким кушаком, обматываемым вокруг талии три раза.

В начале XX в. надеваемые близкими родственниками в день похорон мунисаки бывали парчевые, из узорного бухарского бархата или из фабричного плюша, который завозился из России. Мунисаки бывали ярких цветов, вплоть до красного, не только у самых молодых (например, у молодых, вышедших замуж в том же году), но и у женщин среднего возраста (почти до 50 лет). Под мунисак надевалась нарядная, из узорной ткани, платье, на голову накрывался один платок, сложенный углом, другой, сложенный узкой полосой, вешался на шею так, чтобы концы спадали на грудь. В начале XX в. это были обычно шелковые платки фабричной работы с бахромой, они могли быть розовые, желтые и других достаточно ярких цветов. Косы расплетались в старину полностью; за последнее время ограничиваются тем, что расплетают концы. Расплетание кос, несомненно, отражает древний погребальный ритуал: так изображены скорбящие фигуры на росписях из Пенджикента, эту черту можно видеть на терракотовых статуэтках Афрасиаба.

Траурный костюм принято было надевать, идя на похороны, и всем родственникам и соседкам по кварталу, которые были должны обязательно посещать друг друга по такому

печальному поводу. Поэтому каждая женщина имела похожий костюм, сшитый из дорогих красивых тканей. Чаще всего в начале XX в. это был бархат зеленого, фиолетового или темно-голубого цветов, в тон подбирались платье и шелковый платок для налобной повязки. Повязка накладывалась поверх наброшенного на голову белого кисейного платка, концы которого забрасывались на плечи. Кушаки бывали чаще всего из тонкой шерстяной ткани светло-синего или зеленого цвета с узорной пришитой каймой и аппликациями. Название такого кушака - "кашмири", возможно, указывает на происхождение этих кушаков - они были привозные. Весь этот комплект одежды в старину входил в приданое, носили такие вещи бережно, они нередко передавались по наследству - особенно самые нарядные мунисаки и "кашмирские" кушаки. Если одежда принимала поношенный вид, ее заменяли новой, соответствующей возрасту. Но необходимость шить себе мунисак наступала очень нескоро, так как в приданом имелись обычно несколько комплектов, рассчитанных на изменение возраста их хозяйки.

Ношение на похоронах близких людей нарядной одежды составляет весьма своеобразную черту быта народов Средней Азии. Население Самарканда объясняет этот обычай тем, что в жизни человеку суждено увидеть в своем доме ряд праздников, которым сопутствует угощение большого круга людей: свою свадьбу (а мужчины - и обрезание), свадьбу детей и внуков. Последним его праздником на земле являются его похороны и первые поминки, на которых также, как и на праздниках, угощается много народа. Родные не должны портить ему этот праздник. А.К.Писарчик сообщила, что ей приходилось слышать, как таджикки удерживали плачущих родственников, говоря: "не плачьте, ведь это - его праздник!" Особенно это относилось к умершему в очень пожилом возрасте, а также к умершим в дни годовых праздников. Но и в случаях прямо противоположных - если умер человек молодой, "не увидевший евадьбы", - его похоронам придавался характер праздника, что особенно подчеркивалось тем, что гостям раздавали сладости, как на свадьбе. Сейчас, в связи с общей тенденцией обставать семейные торжества с наибольшей пышностью, что

делается, как говорится в народе, "от сытости" (аз сери) раздачу на похоронах сладостей - многие семьи практикуют независимо от возраста умершего.

Н.Г.Борозна

ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКСОВ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ РАЙОНОВ УЗБЕКИСТАНА

Традиционный костюм различных этнических и локальных групп населения Узбекистана в конце XIX - начале XX вв., наряду с общими чертами, свидетельствующими о давних культурных связях населения, сохранял некоторые особенности. Эти особенности выражались, в частности, в определенном составе и типах украшений входящих в национальный костюм. Они чрезвычайно ярко показывали этнические и культурные традиции разных народов и групп населения Узбекистана.

В полевом сезоне 1970г. одним из вопросов исследований сотрудников Ташкентско-Бухарского отряда Среднеазиатской экспедиции явились ювелирные украшения. Были собраны музейные и полевые материалы, позволяющие предварительно наметить характерные комплексы ювелирных украшений узбекского и таджикского населения гг.Ташкента, Бухары, Самарканда, Ургута, Шахрисабза, Китаба и прилегающих к ним районов. Названные города издавна были центрами различных ремесленных производств. Среди них особенно выделялись такие города, как Ташкент, Самарканд и Бухара, в которых не только производились различные ювелирные изделия, но и сходились важнейшие торговые пути Средней Азии. Население указанных городов имело свой, свойственный только ему, комплекс ювелирных украшений, кроме того ювелирное производство оказывало свое влияние на состав и типы украшений населения районов, прилегающих к этим городам.

Ташкентский комплекс украшений в своих основных элементах был таким же, как и комплексы украшений оседло-